Г. С. ЛИДДЕЛЛ

Павлов — психиатр будущего

Вспоминая проф. Ивана Петровича Павлова, кажется весьма подходящим в этом случае окинуть взором некоторые научные темы, изучение которых давало замечательные результаты осуществляемых им усилий. Я кратко коснусь его представлений, его физиологического метода как естественного вывода из этих представлений и, наконец, возможности влияния его исследований условных рефлексов на развитие психиатрии будущего.

Павлов был целеустремленным последователем идей, которые направляли его мышление и экспериментальные исследования в течение всей его напряженной и выдающейся деятельности. Сэр Эдвар Шарпей-Шефер сказал однажды, что «задача науки заключается в том, чтобы считать, взвешивать и измерять».

Павлов твердо верил в то, что ни одна область медицины, не исключая даже психиатрию, не должна уклоняться от выполнения этой задачи. Будучи еще молодым физиологом, он развил в себе глубокое убеждение о пользе хронического эксперимента в противовес острому опыту. Он был уверен, что испуганное или страдающее животное представляет мало ценного для физиологии или медицины. По его убеждению, заботливое обучение животного и дружеское сотрудничество с ним являются существенным пунктом физиологического исследования. В течение долгой исследовательской жизни, вначале над деятельностью органов пищеварения, а затем нервной деятельностью, он следовал этому убеждению.

При изучении нервного контроля над пищеварительной секрецией Павлов применил остроумную серию хирургических приемов для получения и собирания различных пищеварительных соков. При изучении панкреатической и желудочной секреций было необходимо собирать соки посредством фистул в стенках желудка и кишечника собаки. Для этой цели он считал самым

целесообразным учить собаку спокойно стоять, иногда в течение многих часов, на специальном станке с лямками для лап. Ввиду того, что ласковое обращение с собакой было существенным условием эксперимента, она привыкала к спокойному стоянию на столе и даже могла дремать.

Павлов вскоре открыл, что аппетит вызывал первое отделение желудочного сока у собаки. Использование этого психологического фактора в изучении вопросов пищеварения ясно показывает его убеждение относительно пользы количественного наблюдения. В лекции, опубликованной в 1897 г., Павлов говорит: «В прошлый раз мы познакомились с первым нормальным ударом, который приводит в движение, при естественном ходе вещей, нервно-железистый аппарат желудка. Удар этот идет с психической стороны, это есть страстное желание еды, то, что известно в обыденной и медицинской практике под именем аппетита и забота о чем искони занимала и занимает как врачей, так и всех людей. Теперь позволительно сказать: аппетит есть сок».

Это смелое использование психологических терминов в случаях с измеряемыми продуктами физиологической деятельности характеризовало не только исследования Павлова по изучению пищеварительных функций, но также его эксперименты над нормальной и патологической деятельностью центральной нервной системы.

При изучении механизма слюнной секреции опять стало очевидным действие психологических факторов. Отделение слюны у его собак происходило еще до того, как пищевые вещества были введены в рот. Достаточно было вида или запаха пищи, или различных побочных обстоятельств кормления, чтобы вызывалась предварительная секреция слюны. После долгих размышлений Павлов решил наконец придерживаться своего обычного физиологического образа действий при исследовании всех видов слюнной секреции. Это делающее эпоху решение — объяснять психическую деятельность в терминах рефлекторной деятельности — впервые появляется в его докладе об «Экспериментальной психологии и психопатологии на животных», прочитанном на Международном конгрессе медицины в Мадриде в 1903 г.

«...Можно ли весь этот, по-видимому, хаос отношений заключить в известные рамки, сделать явления постоянными, открыть правила их и механизм? Несколько примеров, которые я приведу сейчас, как мне кажется, дают мне право ответить на эти вопросы категорическим “да” и в основе всех психических опытов найти все тот же специальный рефлекс как основной и самый

общий механизм. Правда, наш опыт в физиологической форме дает всегда один и тот же результат, исключая, конечно, какие-нибудь чрезвычайные условия, — это безусловный рефлекс; основная же характеристика психического опыта — его непостоянство, его видимая капризность. Однако результат психического опыта тоже, несомненно, повторяется, иначе о нем не было бы и речи. Следовательно, все дело только в большем числе условий, влияющих на результат психического опыта сравнительно с физиологическим. Это будет, таким образом, условный рефлекс».

Метод условных рефлексов скоро показал себя как надежное средство для определения различия чувствительности. Для этой цели были взяты раздражители, одни из которых сигнализировали о подаче пищи, а другие не подкреплялись едой. Обучаемая собака показывала свое положительное или отрицательное отношение выделением слюны или отсутствием ее.

В течение таких опытов летом 1914 г. у одной собаки обнаружилось внезапное и резкое изменение в поведении в результате пробы различения между отражаемыми на экране кругом и эллипсом одинаковых размеров. Круг служил сигналом для еды. Эллипс означал, что еда не дается. Вначале диаметр эллипса составлял отношение 1 : 2, но постепенно отношение менялось, и эллипс становился все более и более округленным. Наконец, когда было достигнуто отношение 8 : 9, собака, стоявшая прежде спокойно, стала чрезвычайно возбужденной, рвалась из станка и выла, выделяя слюну одинаково на круг и эллипс. Осторожное переобучение, начиная с эллипса с соотношением 1 : 2 как сигнала для еды, мало-помалу восстанавливало нормальное состояние собаки, хотя образование этого грубого различения происходило в два раза медленнее, чем первоначально. Более тонкие различения решались даже быстрее, чем прежде, пока собака не достигала первоначального уровня различения; но после одной-единственной дифференциации эллипса 8 : 9 от круга собака вновь впадала в прежнее состояние чрезвычайного общего возбуждения. Хотя дальнейшая работа с этой собакой была прекращена, Павлов говорил: «После этих опытов мы обратили особенное внимание на патологические нарушения корковой деятельности и начали изучать их подробно».

В дальнейшем много подобных случаев патологических нарушений поведения было описано, и название Павловым этого состояния «экспериментальным неврозом» теперь стало общепринятым. Экспериментальный невроз проявляет себя не только в виде чрезвычайной возбудимости, но также в виде хрониче-

ского пассивного сопротивления экспериментальному однообразию, когда собака засыпает сразу же в начале ежедневных опытов.

Хотя в последние годы экспериментальный невроз часто упоминался в сообщениях различных исследователей, работавших с крысами, кошками, овцами и шимпанзе, причем при разнообразных методах обучения, следует помнить, что Павлов был первым, кто выработал надежный метод для получения экспериментального невроза в условиях, тщательно им описанных и легко воспроизводимых. Основными условиями получения невроза являются ограничения локомоции и усложнение обстановки опыта.

Мы должны высоко оценить на основании павловских исследований то, что жизнь собаки характеризуется больше ожиданием, чем сознанием реального. Это также должно быть нашим убеждением относительно человека: он менее бывает затронут существующими в данное время наградами и наказаниями, удовлетворениями и неприятностями, чем сомнениями, беспокойством, ожиданием и надеждами.

С какой же уверенностью можем мы смотреть в будущее, сравнивая простую историю о нарушенном поведении собаки с историей психической болезни? Уверенность имеется большая, хотя и отдаленная. Одинаковой величины нервные волокна млекопитающих проводят нервные импульсы с одинаковыми скоростями, хотя одно волокно было взято от человека, а другое — от кошки. Поэтому не является абсурдным допустить, что существуют основные постоянные единицы времени, общие для форм поведения всех млекопитающих.

Если выявится правильность этого предположения, то к проблеме душевных болезней можно будет подойти скорее с помощью количественной оценки действий, чем путем обманчивых качественных показателей поведения. Человек говорит, читает и пишет и тем самым принимает участие в культурной жизни настоящего времени и приобщается к культуре прошлого. История болезни пациента, страдающего мозговым расстройством, заключает в себе удачный анализ его социальных оценок, опытов и представлений. Это история, состоящая из неизмеряемых величин. История болезни собаки касается только ее собственной жизни. Экспериментатор применяет измеряемые и проверяемые факторы лабораторной обстановки, постоянством которой можно испытать способность животного к приспособляемости.

Все корабли снабжены линией Плимсоля для того, чтобы была обеспечена их безопасная нагрузка. Если корабль отправляется

в путешествие и линия находится над уровнем воды, все может обойтись благополучно. Но при бурной погоде все искусство капитана не сможет удержать его на поверхности воды.

Современный кардиолог может снабдить врача простыми диагностическими правилами, при помощи которых он может определить «линию Плимсоля» своего пациента в отношепин безопасной нагрузки его сердечно-сосудистой системы. Психиатр этого делать не может. Он находится в роли капитана, которого позвали на капитанский мостик слишком поздно, когда крушение неминуемо. Но как обстоит дело относительно психиатрии будущего? Несравненные труды Павлова дают нам уверенность, что станет возможным установить «психиатрическую линию Плимсоля», так что врач-практик будет в состоянии с уверенностью предсказать для своего пациента счастливый и успешный путь в бурных течениях социальной и экономической жизни.

<1936>